

Светлана Замлелова

Эмигрантка

Светлана Замлелова
Эмигрантка

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168808
А Бог всё-таки есть...: Компания Спутник+;*

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

13

Светлана Замлелова

Эмигрантка

Анисья Макаровна была чрезвычайно довольна собой. Всё нравилось самой в себе Анисье Макаровне. Кроме разве собственного имени.

Но ещё в Таджикистане, ещё только готовясь к переезду в Нью-Йорк, Анисья Макаровна придумала называться Анаис. Ей казалось, что это французское имя очень идёт к ней: и к её пушистым светлым волосам, и к изящной фигурке, и к особенной манере подводить глаза. Правда, в Нью-Йорке её стали называть Эн. Но даже это заграничное полуимя устраивало Анисью Макаровну больше, чем собственное длиннущее и, как ей всегда казалось, престолярное прозвище.

Но главное было не в имени – «что в имени тебе моём?» Главное было в том, что всё, однажды свалившееся на Анисью Макаровну, было заслуженным, выстраданным и исторически закономерным.

Из своей нью-йоркской квартиры на двадцать втором этаже Анисье Макаровне нравилось обозревать прошлое и, обозревая, плакать. У каждого человека в прошлом есть своя жемчужина. По особым случаям извлекают её из сундуков

памяти и, влюбившись, прячут до следующего раза. Детство или юность, учёба или война, тюрьма или первая любовь – никто не знает наперёд, что останется самым дорогим и памятным.

Для Анисьи Макаровны такой жемчужиной сделались её страдания. Былые несчастья и тяготы умиляли и ублажали её. И послевоенное детство в заштатном уральском городке, и бедность, и гражданская война в Таджикистане, от которой пришлось убежать в Америку – всё это осталось далеко позади и теперь совершенно не касалось Анисьи Макаровны. А может, этого и не было никогда? А было американское гражданство, была собственная лавочка на Брайтон Бич, были маячащие в недалёком будущем пенсионные льготы... Но ей нравилось представлять себя гонимой, покидающей Родину и с тоской из иллюминатора самолёта впивающуюся глазами в родной закат. Ей нравилось думать, что она несчастна и что вокруг всё чужое, и что она засиделась в гостях, а пора бы домой... И тогда ей вспоминался городок, затерявшийся в Уральских горах, и дом, в котором прошло детство. Огромный купеческий дом, где в каждой комнате жила семья. Но жили дружно и помогали друг другу. Время было голодное – послевоенное. Бывало, и шелуху картофельную варили, и объедкам из офицерской столовой радовались – всё бывало. Но беда была общей, и нести её сообща было проще.

Теперь же, приезжая в родной город, Анисья Макаровна старалась не рассказывать много о новом житье-бытье. Но

и того, что было известно, оказывалось довольно – бывшие соседки смотрели на неё с завистью. И всем хотелось сбежать в Америку от безработицы, от грязи, от вновь ни с того, ни с сего обрушившейся нищеты.

И Анисье Макаровне хотелось сделать что-нибудь для всех этих людей, хотелось быть великодушной и мудрой. Ей было приятно оставить кому-нибудь немного денег, купить вещи или продукты. Она старалась казаться простой и доступной и, по усвоенной американской привычке, всегда улыбалась, выставляя наружу белые безупречно-правильные зубы. И на фоне всеобщей озабоченности и озлобленности она казалась самой себе лучиком, пробившимся сквозь толщу серых туч.

Любила вспомнить Анисья Макаровна и Таджикистан, куда попала ещё девчонкой по институтскому распределению. Здесь вышла она замуж, здесь родились её дочери, здесь она стала писать фельетоны для заводской газеты. Здесь на местном радио у неё был свой час – и каждую пятницу жители маленького Таджикского города слушали стихи русских поэтов в исполнении Анисьи Абрамовой.

А потом началась война. Но Анисье Макаровне нравилось вспоминать и это время. Страшные дни были позади, зато как слушали её здесь, в Америке, когда она рассказывала про исламистов-фундаменталистов, желающих наведения исламского режима, и про имамов, и про кишлачные мечети, муллы из которых и подожгли костёр гражданской войны!

– М-м-м! Эти имамы... – говорила она. – Ужасное было время!

И тогда ей казалось, что она прошла Дантев ад, всё вынесла, всё выдюжила, одолела всех имамов и вышла победительницей. И снова хотелось плакать.

* * *

Однажды в Интернете Анисья Макаровна наткнулась на любопытное объявление. Московское издательство приглашало опубликовать свои произведения в новом альманахе. Гонораров, правда, не обещали. И даже напротив – альманах издавался на средства авторов. Но зато это было наверняка. К тому же, издательство уверяло, что реализует книжки альманаха «в московской книготорговой сети», а равно осуществляет рассылку в библиотеки.

Анисья Макаровна задумалась. Она давно не бралась за перо – за все четырнадцать лет американской жизни не написала ни одной статьи, ни одного фельетона. Но когда-то у неё неплохо получалось, и почему бы, описав свою жизнь и все страдания, не попробовать стать русской писательницей в изгнании? Как Солженицын. Её биография, её жизненная опытность наверняка привлекут читателя. Писатель с незаурядной судьбой, что бы он ни писал, всегда интереснее какого-нибудь пишущего филистера.

И Анисья Макаровна решила попытать счастья в литера-

туре.

Первым делом она составила для Альманаха свою биографию.

«О! Как порой жестока и несправедлива жизнь! Как безжалостно рушит она человеческие судьбы! Но что делать... – начала Анисья Макаровна свою историю. – Родилась я в Уральских горах. Здесь жили мои предки, мои деды и прадеды. И были они кузнецами. На Урале прошла лучшая пора моей жизни. Хоть было трудно, жили мы весело: влюблялись, ходили в походы, занимались спортом. В Свердловске я поступила в институт. Училась на инженера. Окончила и по распределению уехала в Таджикистан.

О! Что за благодатный край! А какой добрый, гостеприимный и уважительный народ! И как хорошо мы жили! В Таджикистане я вышла замуж, родила детей. В то время я очень много писала...»

Анисья Макаровна подумала немного и продолжала:

«...Мои статьи с удовольствием печатали местные, республиканские и союзные издания. На местном радио я вела передачу “В мире поэзии”. Так и жили бы мы по сей день, если бы не началась война.

И вот мы в Америке! О! Как стремительно летит американская жизнь! Знакомые мужа помогли мне открыть свой магазин. Всё время я занята – верчусь как белка в колесе. Но остаётся минутка и для творчества. И тогда я пишу рассказы. О жизни, как я её понимаю; о людях, кото-

рые окружали меня и с которыми сводила жизнь. Активно печатаюсь в журналах и альманахах, сотрудничаю с издательствами здесь в Америке и на Урале...»

Анисья Макаровна зачеркнула «и на Урале» и продолжила:

«...на Урале, в Москве. Читателям же Альманаха предлагаю рассказы из цикла “Серебряное копытце”...»

Она давно уже решила, что первым делом опишет свои уральские впечатления.

«...Деловому человеку, да к тому же ещё в Америке, некогда скучать. Скучают только те, кто не работает. Но иногда мне кажется, что я приехала в гости и загостилась. А пора бы домой.

О! Как не хочется верить, что Нью-Йорк стал моим домом!»

Следом за автобиографией на свет появились несколько небольших рассказов, скорее зарисовок. Очень симпатичных, немного сентиментальных – не всегда кстати чувствительных. Но в целом искренних и с либеральным направлением.

Рассказы и биография были отправлены электронной почтой в Москву. После обсуждения редакторских правок Анисья Макаровна электронным же переводом отправила в Россию деньги. А ещё месяца через два она получила десять авторских экземпляров. Семь книжек с автографами они пода-

рила знакомым. Три оставила себе. С той самой поры Ани-
сья Макаровна стала считать себя русской писательницей.

* * *

Кутузов Иван рос без матери. Отец Ивана был человеком суровым и занятым. И воспитывали Ивана три незамужние тётки – отцовы сёстры. Тётки терпеть не могли покойную мать Ивана и любили помянуть её недобрым словом. Иван слушал, молчал и запоминал. Как-то пробовал Иван вступиться за мать, но тётки подняли такой крик, так расписали отцу дурной нрав Ивана, что Иван с тех пор остерегался обнаруживать досаду перед тётками. Но равнодушным Иван не был, а потому и обижался, и злился втихомолку.

Ранние утраты и обиды стали поводом к раннему раздумью. Когда иные дети ещё беспечны и беззаботны, Иван успел уже немало передумать и перечувствовать. Часто по ночам, укрывшись с головой одеялом, он думал о своём сиротстве, о тётках, об отце, о том, что никем не любим и никому не нужен. Иногда, закусив уголок подушки, он плакал, но так, чтобы никто не знал о его слезах.

Тётки кормили Ивана, лечили и учили, но говорили с ним мало, и всё больше о разном вздоре. А Иван ничего не рассказывал тёткам, потому что робел их.

Книги были истинными друзьями Ивана. С ними он любил уединяться, им доверялся, в них находил ответы на свои

вопросы.

Книги, одиночество, привычка думать под одеялом, необходимость таиться и не выказывать свои истинные чувства – вот что формировало характер Ивана. Он рано научился раздражаться и рано стал присматриваться к людям. Подростком он натерел различать чужие слабости и недостатки – в каждом новом человеке видел он обидчика и, точно готовясь дать отпор, старался нащупать слабинку.

В душе, как всякий одинокий человек, он был робок, но чтобы товарищи не оттолкнули и не засмеяли его, старался казаться развязным. А повзрослев, стал держаться крайних взглядов.

Взросление Ивана совпало с переменами в общественном сознании. И Иван быстро усвоил то новое, что, как казалось ему, выведет его вперёд и навеки избавит от обид и насмешек. Усвоив, что несомневающийся человек лучше того, кто склонен винить себя, что инстинкт должен быть освобождён от всякого давления, что цена успеха – ничто в сравнении с самим успехом, и что, наконец, нет зла, кроме грубой силы, – усвоив всё это, Иван ощутил себя довольным, свободным и полноценным. И тут же, по странному совпадению, ударился в самый грязный разврат.

Но только очень скоро, как это не раз уже случалось в русской жизни, Ивана качнуло в совершенно противоположную сторону. Причиной таких резких и радикальных перемен в Иване стал... Бог.

В новой корзине, наряду со свободой и успехом, был бог. Но не карающий Бог-Отец и не милующий Бог-Сын, а бог-покровитель торговли. Или вроде того.

Другого Бога Иван не знал, а потому принял этого. Но книги ли, ранняя ли привычка буравить умом всякий предмет – Иван вскоре заподозрил, что бог его ненастоящий. Начались поиски настоящего Бога. Поиски были мучительными: Иван пробовал, злился, сомневался, ненавидел... И наконец нашёл.

Впечатлительному и любознательному Ивану вместе с настоящим Богом открылись и новые убеждения. Всё, что ещё недавно казалось передовым и прогрессивным, было отброшено и проклято. Новая, возвышенная идея захватила и подчинила себе Ивана, вдохновила и потребовала дела.

Свежие впечатления, неиспытанные ранее чувства Иван счёл важным открытием и загорелся поделиться ими с каждым.

Иван начал писать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.